

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 811.161.1'28(038)

doi: 10.17223/22274200/36/1

Проблемы лексикографического описания лексикализованных диалектизмов с начальными *ц* и *ч*

Мария Владимировна Боброва¹, Сергей Алексеевич Мызников²,
Елена Ивановна Сьянова³

^{1,2,3} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *myznikovs@rambler.ru*

³ *syanovaei@mail.ru*

Аннотация. Освещены наиболее острые проблемы лексикографического описания лексики с начальными *ц* и *ч* в словаре типа компендиума, обусловленные лексикализацией отдельных фонетических вариантов слов. Рассмотрены понятие лексикализации применительно к территориальным диалектам, проблемы идентификации и подходы к описанию в словаре лексикализованных единиц. Это попытка примирить в толковом словаре принципы исторической детерминированности, ареальности и системности фонетических диалектных явлений.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная лексикография, сводный словарь, лексикализация, этимология, принцип историзма, принцип системности

Благодарности: Авторы искренне благодарят анонимных рецензентов за важные замечания и рекомендации.

Для цитирования: Боброва М.В., Мызников С.А., Сьянова Е.И. Проблемы лексикографического описания лексикализованных диалектизмов с начальными *ц* и *ч* // Вопросы лексикографии. 2025. № 36. С. 5–25. doi: 10.17223/22274200/36/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/36/1

Problems of lexicographic description of lexicalized dialectisms with initial *ʉ* (*ts*) and *ч* (*ch*)

Maria V. Bobrova¹, Sergey A. Myznikov², Elena I. S'yanova³

^{1, 2, 3} *Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *myznikovs@rambler.ru*

³ *syanovaiei@mail.ru*

Abstract. The article highlights the most pressing problems of lexicographic description of vocabulary with initial *ʉ* (*ts*) and *ч* (*ch*) in a compendium type dictionary, caused by the lexicalization of individual phonetic variants of words. Theoretical views on the phenomenon of lexicalization are considered. It is established that ideas about such processes were formed in the first works on phraseology, the term was introduced by representatives of the Prague Linguistic Circle. As a result of the subsequent discussion, lexicalization in territorial dialects should be understood as the results of language processes that have lost their regular character, which lead to the consolidation of a new phonetic shape of the word. The issue of lexicalization is particularly acute in relation to dialectal vocabulary that reflects the history of the *ʉ* (*ts*) and *ч* (*ch*) phonemes. In Russian dialectology, various approaches have been developed to interpret the results of transformational processes, allowing us to explain dialectal differences (differentiation of two affricates in dialects, or the coincidence of phonemes in one affricate, or the absence of affricates), either phonetic or phonological. As a consequence, dialectological theory does not provide sufficient justification for definitive conclusions about the finality or non-finality of the lexicalization process in each specific case. This determined the principles of vocabulary presentation (vocabulary representation) with initial *ʉ* (*ts*) and *ч* (*ch*) in the subsequent issues of the *Dictionary of Russian Folk Dialects*. A distinction is made between: (1) lexicalized variants that are presented in separate dictionary entries, (2) phonetic variants that undergo lexicalization and are presented with a special sign inside the entry with a historically defined vocabulary, (3) phonetic variants in the dialects that pronounce “ch” as “ts” or “ts” as “ch” and are not reflected in dictionary entries. When determining the status of words, the au-

thors-compilers and editors take into account numerous factors, including: word-formation and lexical-semantic activity, accentological variability, fixation on a territory that is not characterized by the corresponding phenomenon (pronounce “ch” as “ts” or “ts” as “ch” in its hard or soft variety, lack of affricates in dialects, etc.), fixation of relic variants in the speech of representatives of different generations or in folklore texts, the erasure of etymological connections of words, etc. Thus, the team of authors sought, on the one hand, to follow traditions in compiling the consolidated *Dictionary of Russian Folk Dialects*, and, on the other hand, to represent the dialectal material as carefully as possible, with minimal distortion of the source data. This is an attempt to reconcile in an explanatory dictionary the principles of historical determinism, areality, and systematics of phonetic dialectal phenomena.

Keywords: Russian dialectology, dialect lexicography, consolidated dictionary, lexicalization, etymology, principle of historicism, principle of systematicity

Acknowledgments: We would like to thank the anonymous reviewers for their important comments and recommendations.

For citation: Bobrova, M.V., Myznikov, S.A. & S'yanova, E.I. (2025) Problems of lexicographic description of lexicalized dialectisms with initial *ц* (*ts*) and *ч* (*ch*). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 36. pp. 5–25. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/36/1

Введение

Работа над сводным «Словарем русских народных говоров» (СРНГ)¹ близка к завершению, но по-прежнему встречаются крайне сложные для лексикографического описания группы лексики, требующие выработки специальных подходов. Опыт составления очередных выпусков показал, что диалектная лексика с начальными *ц* и *ч* представляет собой особенно трудную для анализа, систематизации и последующего лексикографического описания область.

В настоящей статье авторы задались целью осветить концептуальную для репрезентации слов указанного отрезка (Ц–Ч) проблему лексикализации отдельных форм или фонетических вариантов слов и выработанные принципы решения этих трудностей в сводном словаре русских говоров, актуализированные в настоящее время при подго-

¹ На данный момент опубликовано 52 выпуска [1].

товке очередных, включающих этот отрезок выпусков «Словаря русских народных говоров».

Авторы-составители и редакторы компендиума в полной мере осознают дискуссионность некоторых решений, вместе с тем отличающихся в некоторой мере новизной и нетривиальностью, и в поисках истины исходят из понимания степени своей ответственности: «Автор словаря ответствен, во-первых, перед наукой о языке и тем самым перед лингвистами, обращающимися к словарю как произведению, необходимо отвечающему требованиям современной науки; во-вторых, перед читателем-нелингвистом, доверяющим словарю и ищущим в нем нужную ему точную и достоверную справку; в-третьих, перед традицией, которую он продолжает и развивает; в-четвертых, наконец, перед самим собой как специалистом и автором труда, выходящего под его именем» [2, с. 13]. В своих инновационных решениях авторский коллектив СРНГ неизменно опирается на базовые традиции подготовки словаря¹, а также стремится облегчить читателю восприятие предложенной в словаре систематизации и репрезентации лексики отрезков Ц–Ч, упростить поиски нужных диалектных материалов.

Тем самым в процессе решения практических вопросов осуществляется углубление лексикографической теории и уточнение теории общелингвистической, а в конечном итоге реализуется модель развития языкознания, обозначенная О.И. Блиновой: «ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ...» [4].

Понятие о лексикализации вариантов диалектных слов

Ожидаемо при отборе диалектизмов с начальными *ц* и *ч* наиболее остро встал вопрос о лексикализованных или нелексикализованных словоупотреблениях, отражаемых либо не отражаемых в качестве заголовочных слов.

Наполнение термина «лексикализация» утверждалось десятилетиями. Зародился он фактически при обсуждении фразеологизмов, которые в процессе обретения устойчивости приближаются по своим признакам к слову, начинают характеризоваться семантическим един-

¹ См. о традиционных подходах подробнее [3].

ством, целостностью, воспроизводимостью (см. первые работы по фразеологии И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ш. Балли, Я. Розвадовского, А.А. Шахматова, Г. Пауля, С.И. Ожегова, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова и др.). Затем внимание исследователей привлекли аналогичные явления, вызванные фонетическими и фонологическими изменениями и связанные с обособлением морфологических форм слов, термин начал применяться к разнообразным трансформационным процессам, проходящим на разных языковых уровнях и приводящим к закреплению в узусе, а затем в языковой системе новых слов. В отечественном языкознании первым такие факты в 1912 г. отметил А.А. Шахматов при рассмотрении истории отдельных слов и языка в целом [5], но термин впервые был употреблен в «Проекте фонологической терминологии» Пражского лингвистического кружка [6, с. 321] при рассмотрении «лексикализованных фонетических различий», после чего он стал активно использоваться лингвистами (см. подробнее о становлении термина «лексикализация» в статье О.Д. Кузнецовой [7], о разнообразии интерпретаций термина – в статье Е.В. Лукашевич [8]).

Характерно, что для литературного языка предлагается узкое толкование термина, которое не учитывает фонетических факторов: «Лексикализация – превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр., во фразеологизм)» [9, с. 258]. Это естественно в силу стабильности фонетической системы нормализованной формы бытования русского языка. На значимость фонетических трансформаций не могли, однако, не обратить внимания лингвисты, имеющие возможность сопоставления языковых явлений в разных кластерах (территориальных и социальных группах языка) как результата динамических изменений: историки языка и диалектологи.

Причина изменений, приводящих к закреплению новых слов, была сформулирована Ф.П. Филиным: это утрата отдельными явлениями систематического, а вслед за тем и системного характера. «Обычно незакономерные фонетические и морфологические особенности слов... выпадают из фонетической и морфологической систем языка (диалекта), ...теряя свою регулярность» [10, с. 27]. Наблюдения, которые оказались возможны благодаря реализации проекта «Словарь

русских народных говоров», дающего огромный материал для сопоставления языковых фактов, позволили составителям словаря внести уточнение. Если Ф.П. Филин утверждал, что лексикализация – результат исключительно отмерших или отмирающих языковых явлений, то О.Д. Кузнецова указала и на другие факты, касающиеся живых языковых явлений в области фонетики [7, с. 115–116]. Главным источником трансформационных процессов оказывается нерегулярность тех или иных явлений в говорах.

Как итог, «лексикализация фонетического явления заключается в том, что у некоторых совершенно определенных конкретных слов закрепляется новый фонетический облик... Фонетическая особенность выходит, таким образом, за границы фонетического уровня, характеризуя собственно лексическую систему. Закрепление нового фонетического облика отдельных слов надо рассматривать как появление новых диалектных слов, новых членов лексической системы диалектов» [7, с. 117].

При анализе диалектной лексики с начальными *ц* и *ч* вопрос о лексикализации отдельных единиц встает особенно остро, так как он наталкивается на вопросы исторической фонетики и фонологии, причем в таких разновидностях русского языка, которые характеризуются неравномерностью развития.

Отражение в диалектной лексике истории <ц> и <ч>

Значимость истории аффрикат в русских говорах подчеркнул С.А. Копорский в известном труде «Цоканье в Калининской области»: «Цоканье – одна из наиболее характерных особенностей северо-русского наречия. Границы и площадь его распространения привлекают к себе внимание диалектологов, историков русского языка и историков русского народа. Цоканье кладется в основу классификации говоров, с ним связана история наречий древнерусского языка; цоканье интересует историка при определении этнического состава русского народа, при установлении сфер влияния тех или иных политических и культурных центров Древней Руси» [11, с. 152]. Аффрикаты привлекли внимание прежде всего историков языка, изучавших памятники письменности: Т.Н. Кандауровой, М.И. Карнеевой, И.М. Каринского, С.П. Обнорского, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова и др. Исследо-

ватели обращались к явлению цоканья в связи с историей русского языка (см. труды Р.И. Аванесова, С.Б. Бернштейна, И.А. Бодуэна де Куртенэ, С.М. Глускиной, А.А. Зализняка, Е.Н. Каринской, В.В. Колесова, Л.Н. Макаровой, Р.С. Овчинниковой, В.Г. Орловой, А.М. Селицева, Н.С. Трубецкого, З.И. Устинской, В.И. Чернышева, Дж. Феррелла (J. Ferrell), Ф.П. Филина и др.). Современное состояние говоров в этом аспекте интересовало С.А. Копорского, В.Г. Орлову, В.В. Колесова и др. Вопрос об аффрикатах рассматривался в многочисленных работах, посвященных описанию отдельных территориальных диалектов, но обычно в ряду иных фонетических явлений.

Как известно, специфичная и сложная история фонем <ц> и <ч'> в русском языке, восходящая к древности, предопределила чрезвычайную пестроту говоров в области консонантизма. Судьбу этих фонем обусловил целый ряд исторических и историко-лингвистических факторов, среди которых можно назвать: особенности расселения древних восточнославянских племен, нестабильность и специфичность контактов между ними, существование восточнославянских племен в разноязычном и инокультурном окружении и др., а вследствие этого языковое расхождение русских говоров по результатам второй и третьей палатализации, позднее отверждение исконно мягкого <ц'>, перераспределение по говорам дифференциальных и интегральных признаков фонем, взаимодействие части говоров с неродственными языками финно-угорской и алтайской семей, взаимодействие части говоров с языками родственной западнославянской группы, в последние два столетия – влияние литературного языка и др. Л.Л. Касаткин включает в этот ряд также металингвистические причины, ср.: «Различия в путях отхода от цоканья объясняются тем, как **расценивают цокальщики** противопоставление [ц]–[ч'] литературного языка и соседних говоров: как противопоставление твердого и мягкого согласного или как противопоставление свистящего и шипящего» [12, с. 66] (выделено нами. – М. В., С. М., Е. С.). Общую картину осложняют такие явления, как цоканье и чоканье в их твердой или мягкой разновидности, утрата затвора (смычного элемента) или фрикативного (свистящего либо щелевого элемента) в аффрикатах, шепелявость аффрикат, гиперкоррекция и др.

В результате этого современные территориальные диалекты характеризуются значительными различиями в количестве и качестве фонемах, коррелирующих с литературными фонемами <ц> и <ч'>. Представлено три типа употребления этих согласных. По классификации В.Г. Орловой это говоры с такими явлениями: 1) различие аффрикат <ц> и <ч'>; 2) совпадение аффрикат в <ц> (твердое цоканье), в <ц'> (мягкое цоканье) или в <ч'> (чоканье); 3) утрата затвора одной или обеими аффрикатами, которая приводит к сохранению только одной из них либо к утрате обеих (сохранение фонемы <ц> и совпадение <ч'> с <ш'>; сохранение фонемы <ч'> и совпадение <ц> с <с>; совпадение фонем <ц> с <с> и <ч'> с <ш'>) [13, с. 18–19]. По классификации С.К. Пожарицкой выделяются группы: 1) говоры, в которых имеются две аффрикаты (<ц> и <ч'> либо <ц> и <ч>; «различие двух мягких аффрикат, гипотетически возможное, на самом деле не отмечено в сколько-нибудь устойчивом виде» [14, с. 90]); вероятно, переходный тип говоров с <ц> и <ц'>); 2) говоры с одной аффрикатой (с <ц> – твердым цоканьем; с <ц'> – мягким цоканьем; с <ч'> или с <ч> – с чоканьем); 3) говоры без аффрикат (говоры без обеих аффрикат, а именно, с утратой <ц>, совпавшей с <с>, и трансформацией <ч'> в особую фонему <ш'>; говоры без одной из аффрикат, утратившей затвор) [14, с. 89–93]. Сложность проблемы обусловила, как мы видим, разницу в подходах: на основе качественных различий у В.Г. Орловой и на основе количественных различий у С.К. Пожарицкой.

Существует общее представление о зонировании таких явлений¹, в частности о совпадении основных типов с ареалами расселения древних восточнославянских племен, о распространенности явления мягкого цоканья в северно-восточных русских диалектах, мягкого чоканья в диалектах, контактирующих с некоторыми финно-угорскими языками, об отсутствии затвора в диалектах, контактирующих с башкирским языком, о дзеканье в западных диалектах и т. д. Однако известно, что даже в пределах одного говора может встречаться несколько фонетических явлений, например в речи людей разных поколений или в присутствии переселенцев с других территорий, что за-

¹ См., например, указанные работы С.А. Копорского [11], В.Г. Орловой [13], а также диалектологический атлас [15].

трудняет квалификацию той или иной фиксации как системной или же окказиональной, как отражающей регулярные фонетические явления или же лексикализованные реликты и т. п. Некоторые явления встречаются точечно, но отсутствует и едва ли возможна подробная карта русских говоров, которая бы настолько детально отражала территориальную закреплённость разновидностей цоканья и чоканья¹.

Если мы отталкиваемся от понимания лексемы в том числе и как определенной последовательности фонем, а ведущим орфографическим принципом считаем морфологический, требующий отражения в написании слова фонемного, а не фонетического состава морфем, в связи с проблемой лексикализации принципиальным оказывается вопрос об определении фонемы, реализуемой в каждом конкретном случае. Но обнаруживаем, что даже наиболее современные теории происхождения разновидностей цоканья не снимают вопросов об определении статуса различных звуков на месте этимологических (точнее, нормализованных) <ц> и <ч>: следует ли в тех или иных диалектных словах считать их основными представителями фонем, аллофонами <ц> либо <ч> (и какой именно фонемы) или аллофонами иных фонем (<с>, <с'>, <ш'>).

Более того, разными исследователями и (или) для разных видов соотношения <ц> и <ч> в говорах предлагаются разные интерпретации.

¹ Ср., например, характеристику положения с чокающими говорами, данную В.Г. Орловой: «В восточных и юго-восточных районах европейской части СССР (территория Пермской, отчасти Кировской областей, Коми АССР, Марийской, Чувашской, Мордовской АССР, в той их части, которая занята говорами русского языка, территория Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской областей), где славянское население распространилось значительно позднее, находим весьма неоднородные говоры с различными типами употребления аффрикат. Языковой строй этих говоров и судьбу отдельных явлений, характеризующих этот строй, не всегда можно изучать в обобщенном плане методами лингвистической географии. В этих случаях целесообразнее всего изучение их системы, а также отдельных явлений в каждом отдельном населенном пункте, в тесной связи с историей данного населенного пункта, потому что на подобных территориях рядом друг с другом нередко расположены говоры, имеющие весьма различное происхождение, что связано с переселениями позднего времени» [13, с. 17]. Ср. также значительную вариативность реализации аффрикат в пинежских говорах, которую описывает в специальной статье В.В. Колесов [16].

Ср., например, противоречивые формулировки С.А. Копорского: 1) «Цоканье в пределах Калининской обл. распространено главным образом в виде совпадения *ц* и *ч* в одном звуке *ц* твердом, что роднит его с новгородским цоканьем» [11, с. 160], где [ц] – аллофон двух аффрикат; 2) «Чоканье в точном значении термина, т.е. существования *ч* как единой фонемы на месте этимологических *ц* и *ч*, в Калининской и Великолукской областях не отмечено» [11, с. 161], где <ч> – фонема, коррелирующая с нормативными <ц> и <ч>. В.Г. Орлова говорит о фонологической природе <ц> и <ч> в случае их совпадения в говорах с этимологическими (нормализованными) фонемами, но о фонетической природе способов реализации этих фонем во всех остальных случаях. Разработчики общей теории диалектов для учебных пособий, как было показано выше, полагают, что либо они выступают в идентичных аллофонах [ц], [ц'] или [ч'], либо одна аффриката (или обе) утрачивается и совпадает со свистящей или щелевой фонемой (<с>, <ш'>) [14, с. 90–92; 12, с. 66]. А несходные теоретические установки потребуют несходных решений при определении вокабул (примеры взяты условно): с позиций, обозначенных С.А. Копорским, например, словоупотребление *целó* необходимо было бы подать в статье **челó**, но **челый** – в отдельной статье; с позиции В.Г. Орловой, слово *целó* в словаре должно приобрести форму **челó**, **челый** – форму **целый**; с точки зрения составителей пособий, все словоупотребления лексикализованы и должны быть представлены в словаре (например, вокабулы **чистый**, **цистый**, **щистый** и под.).

И заострим внимание еще на одном проблемном вопросе: не всегда возможно определить этимологическую фонему, и прежде всего в тех случаях, когда отсутствуют эквиваленты в литературном языке, ср.: *цели́бу́ка*, *цили́бу́ка*, *цели́бу́ха*, *цили́бу́ха* – и *чели́бу́ка*, *чели́бу́ха*, *челя́бу́ха*, *чили́бу́ка*, *чили́бу́ха* (слова фиксировались в значениях ‘растение рвотный орех’, ‘чушь, чепуха’, ‘путаница’, ‘о смеси, груде и т. п. чего-л. совершенно бесполезного, не представляющего никакой ценности’). Мы можем предположить лишь гипотетическую связь этих наименований водяного (рвотного) ореха с номинацией **кичи́либу́ха** (ср.: **кичи́либу́ха** ‘1) растение рвотный орех; 2) разная бесполезная смесь’ [1, т. 17, с. 247]) с усечением этой основы и (в первой группе наименований) сближение с корнем *-цел-* (ср. *целый*, *целить*

‘исцелять’) под влиянием народной этимологии. И в результате составители вынуждены отражать в сводном словаре в качестве вокабул все зафиксированные варианты на соответствующие буквы.

Итогом этого оказывается то, что мы, не имея исчерпывающих сведений о всех говорах в пределах даже одного какого-либо региона (в отсутствие таких полномасштабных исследований), а имея при составлении словарей чаще всего весьма и весьма ограниченный контекст, иногда – анализируя лексемы с неясной этимологией, в абсолютном большинстве случаев не располагаем возможностью с полной достоверностью квалифицировать то или иное словоупотребление в качестве фонетического варианта, в качестве примера фонетического варианта, переживающего процесс лексикализации (иначе – фонологизации фонетических явлений), или в качестве конечного (приобретшего характер фонологического) результата лексикализации фонетического варианта. А вместе с тем решение данных вопросов принципиально, так как определяет, соответственно, будет ли представлено то или иное словоупотребление в качестве заголовочного слова (вокабулы), или представлено иным способом, или же проигнорировано как обладающее нерелевантными для лексико-семантической системы говоров акустическими признаками.

Единственно возможный путь в таких условиях для авторов словарных статей диалектного словаря – делать заключение о степени завершенности процесса лексикализации с опорой на свои знания и исследовательский опыт. При этом обязательно учитываются такие факторы, как словообразовательная и лексико-семантическая активность (способность слова входить в словообразовательные ряды, образовывать ответвления таких рядов и демонстрировать развитие семантики), акцентологическая вариативность, фиксация на территории, которой не свойственно соответствующее явление, фиксации с [ч], [ч'] в цокающих говорах и с [ц] в чокающих, фиксации реликтовых цокающих или чокающих вариантов в речи старшего или, наоборот, молодого поколения, в фольклорных текстах, стирание этимологических связей слов и др. Ср. в таком контексте: *Я бывал в церепанской* [т. е. гончарной] *роботы – церепанска робота чажела*, где в речи одного человека, проживающего в «мягко цокающем» регионе (Низовая Печора), наряду с [ц'] зафиксирована лексема с [ч'], что позволяет сде-

лать вывод о лексикализации слова **чажёлый** (пример фиксации с [ч'] в цокающих говорах). В качестве лексикализованного элемента системы говоров в словарь включено слово **цереблó** 'большой живот, брюхо' (*Кошка наша вон с каким цереблом ходить и не котенится*), которое, предполагаем, этимологически восходит к лексеме *чрево* 'живот', но претерпело семантические сдвиги, что сопровождалось фонетическими изменениями (меной губных согласных <в> – <б>) (пример стирания этимологических связей).

Обратим внимание также на тезис, озвученный О.Д. Кузнецовой: «...ряд слов, участвующих в лексикализации, закрыт. Новый фонетический облик как постоянное свойство получают только определенные конкретные слова» [7, с. 117]. Лексикализация никогда не охватывает всю группу однокоренных слов, а только отдельные единицы в словообразовательном гнезде, которые, однако, далее приобретают возможность становиться вершиной нового словообразовательного ряда, порождая новые лексические единицы. В частности, это отражается в том, что лексикализованные элементы закрепляются даже в речи более молодых поколений, в большей степени подверженных влиянию литературного языка. Ср., например, современные данные о состоянии русских говоров в Удмуртии, где исследования показывают лучшую сохранность диалектных явлений в речи пожилых людей и представителей замкнутых групп типа старообрядцев [17, с. 4; 18, с. 155]. Вместе с тем данные мультимедийного корпуса русских говоров Удмуртии, включающего письменные фиксации диалектной речи, сделанные в 1970–1980-х гг., и аудиозаписи 2000-х гг., показывают однозначную динамику: «Примеры этого явления (чоканье или цоканье) можно найти в письменных записях корпуса. Но анализ аудиозаписей не подтверждает наличие в современных русских говорах Удмуртии данного фонетического явления. В аудиоматериалах отмечены отдельные примеры мены аффрикат..., что свидетельствует о лексикализации упомянутых традиционных диалектных наименований. Таким образом, можно говорить о присутствии в русских говорах Удмуртии следов чоканья и цоканья, но не о живом фонетическом явлении» [19, с. 73]. Соответственно, такие «следы» нуждаются в лексикографическом описании как явления лексикализованные.

Принципы подачи лексики с начальными *ц* и *ч* в «Словаре русских народных говоров» в связи с явлением лексикализации

С учетом всего изложенного выше при решении вопроса о лексикализации словоупотреблений с начальными *ц* и *ч* в СРНГ было принято три возможных способа их квалификации и репрезентации: 1) лексикализованные варианты, 2) фонетические варианты, переживающие процесс лексикализации, 3) фонетические варианты в цокающих или чокающих говорах. Далее отразим особенности их подачи, не углубляясь в этимологические изыскания, которые проводились составителями в отношении каждого из приведенных в качестве примера слов.

1) Лексикализованные варианты. Это те случаи, когда процесс лексикализации по ряду признаков представляется завершенным. Они могут подаваться двояко: в одной статье (на вариант с начальным *ц*) либо в разных (на вариант с *ц* и в последующих выпусках в словарных статьях на вариант с *ч*), что диктуется в первую очередь необходимостью сочетать исторический и системный принципы подачи. Ср., например, соотношение лексем в парах *цѣлѣик* и *чѣлѣик* ('что-либо цельное, не разделенное, не раздробленное на части' и др.), *челó* и *цѣлó* ('устье печи' и др.), которые с учетом только этимологически первичного варианта необходимо было бы объединить: первую пару отразить в ряду слов с начальным *ц*, вторую – с начальным *ч*. В СРНГ слова первой пары даны в одной статье: **1. Цѣлѣик** и **чѣлѣик**¹. Но вместе с тем, опираясь на принятый в СРНГ алфавитный принцип (один из случаев отражения системности слов), в продолжающемся издании, в котором последовательно, на каждую из букв представляется *вся* зафиксированная диалектная лексика, мы вынуждены слово *цело* из второй пары репрезентировать раньше – в выпусках с начальным *ц* (т. е. в словаре можно будет найти две статьи, отражающие эти значения на соответствующих алфавитных местах: **2. Цѣлó**; **1. Челó**). Нарушенные системные связи в этом случае предполагается восполнять перекрестными отсылками: **1. Челó...** Ср. **2. Цѣлó**.

¹ В соответствии с правилами оформления, принятыми в СРНГ, цифра с точкой перед заголовочным словом указывает на порядковый номер омонима.

Далее представим особенности подачи лексикализованных вариантов подробнее.

а) Подаются в одной статье при условии, что этимологически первичным для слов с начальными *ц* и *ч* является вариант с *ц* и есть возможность с высокой степенью достоверности установить сохранение этимологических связей между словами, так как в соответствии с алфавитным принципом исторически первичный вариант должен быть подан первым, ср., например, статьи: **Цележніна** и **чележніна**; **1. Цепók** и **чепók**; **1. Ці́бать** и **чи́бать**.

В последующих выпусках (в словарных статьях с начальным *ч*) соответствующие слова будут сопровождаться отсылочной пометой: **Чележніна**. См. *Цележніна*; **2. Чепók**. См. **1. Цепók**; **Чи́бать**. См. **1. Ці́бать**.

б) Подаются в разных статьях (и на *ц*, и на *ч*, с полноценными толкованиями и соответствующими иллюстративными примерами) при следующих условиях:

– исторически первичным для слов с начальными *ц* и *ч* является вариант с *ч*, который с учетом алфавитного принципа должен быть отражен в самостоятельной статье в последующих выпусках, ср.: **2. Цéло** – **1. Челó**; **Цёмнать** – **Чёмнать** (из ‘чем знать?’);

– установить исторически первичный вариант не представляется возможным или невозможно без дополнительных исследований, ср.: **Целенó** – **Челенó**; **Цецúля** – **Чечúля**;

– слова имеют звукоподражательную природу, ср.: **Цéка-цéка** – **Чéка-чéка**; **Ці́бис** – **Чи́бис**;

– слова являются образованиями детской речи или имитируют детскую речь, т. е. также являются звукоподражательными по происхождению или производны от них, ср.: **Цéчка** – **Чéчка** (и **Цáца** – **Чáча**); **Цецéниться** – **Чечéниться**;

– высока степень вероятности семантической контаминации (семантического пересечения) разнокорневых слов, ср.: **целовéчный** ‘невредимый, неувечный; целый (о человеке, животном)’ – **человéчный** ‘крупный, рослый, могучий’; можно предполагать, что в результате фонетических изменений оказалось возможным сближение слов *человéчный*, *человéк* и *цéлый*, так как лексема **целовéчный** выступает в качестве синонима к лексеме **целомóжный** (*челомóжный*)

в значении ‘неповрежденный, целый (о предметах)’ (из материалов М.И. Романова), имеющей также одно из значений ‘крепкого сложения, крупный (о человеке)’.

В последующих выпусках в словарных статьях с начальным *ч* коррелирующие единицы будут сопровождаться отсылкой «Ср.»: **1. Челó...** Ср. **2. Цéлó; Чéмнать...** Ср. **Цéмнать; Челенó...** Ср. **Целенó; Чечу́ля...** Ср. **Цецу́ля; Чéка-чéка...** Ср. **Цéка-цéка; Чй́бис...** Ср. **Цй́бис; Чéчка...** Ср. **Цéчка; Чечéниться...** Ср. **Цецéниться; Человéчный...** Ср. **Целовéчный** и т. п.

В самостоятельных статьях подаются также лексемы, в которых начальный *ц* или *ч* возник, вероятно, вследствие гиперкоррекции: в результате модификаций исходной фонемы <с> или <т> в процессе освоения оппозиции <ц> – <ч’>, свойственной литературному языку: появления или утраты затвора, появления или утраты фрикативного элемента, после чего лексема могла претерпеть влияние цоканья или чоканья. Ср.: *Святки* и *Цв́ятки*; *сейчас*, откуда *цеца́с, цеця́с* и *чечáс, чичáс; тэлепень*, откуда *цэлепень* (и затем, вероятно, *селепéнь*) и *чэлепень; терту́ха*, откуда *церту́ха* и *черту́ха*. Обычно такие статьи сопровождаются отсылками к соответствующим лексемам в предыдущих выпусках, например: **Целепéга...** – Ср. **Телепéга; Цербал́н...** – Ср. **Сарбал́ина, Сербал́ина**.

2) Фонетические варианты, переживающие процесс лексикализации. Если автор словарной статьи предполагает, что процесс лексикализации продолжается либо завершился, но составитель не обладает достаточными для верификации этого факта основаниями, слово помещается внутри статьи (в одном из ЛСВ) за знаком □, ср.: **Цибéрка...** □ **Чибéрка** (единственная фиксация в донских говорах); **Чепурно́й...** □ **Цепурно́й** (зафиксировано в цокающих говорах Рязанской Мещеры) и под.

3) Фонетические варианты в цокающих или чокающих говорах. Обычно в качестве таких языковых фактов рассматриваются слова, сохраняющие этимологические связи, не имеющие тенденций к изменению семантики, не образующие новых словообразовательных рядов и т. д. Такие примеры многочисленны: *цетверта́к, цетверто́к, цётверть, цисто, цюма́к, цядо, чéлый, чельный* и др. Подобные фиксации в словаре не отражаются. При наличии диалектной семантики соот-

ветствующий контекст используется в словарной статье, но фонетический вариант в иллюстративных материалах приводится в соответствие с заголовочным словом (*целый, цельный, четвертак, чисто* и под). Следует, однако, отличать такие примеры от реализации свойственных отдельным говорам фонемы <ц'>, соответствующей общерусской <ч'>, возникшей в результате дзеканья или по иным причинам, а также от словоупотреблений, для которых нет соответствий с ч-. Такие лексемы подаются в том виде, в каком они зафиксированы, ср., например, *Черепови́яне* 'прозвище жителей г. Череповца и его окрестностей, для речи которых характерна мена ч на ц'.

Объединение лексикализованных (или находящихся на пути к лексикализации) вариантов в одной статье с использованием системы перекрестных ссылок призвано манифестировать высокую степень их семантической спаянности, а вследствие этого – значительную близость путей развития значений. В некоторой степени это нарушает избранные ранее подходы, но применяется не только потому, что факт завершения лексикализации и закрепления такого варианта в языке не всегда абсолютен и однозначно верифицируем, но и постольку, поскольку опыт работы со всем массивом диалектных материалов наглядно показал: при объединении лексемы способны наглядно отражать не только рефлексы собственно фонетических явлений, но и особенности развития семантики, прямой или косвенной причиной которого оказываются изменения звуковой оболочки слова. Ср., в статье **2. Цепóвый и чеповóй**: 1. *Цепóвый*. Вытканый с использованием более двух ремиз, многоцветный; изготовленный из такой ткани... 2. *Чеповóй* сбор. Пошлина с продажи ниток, меда... □ *Чеповóе*, в знач. *сущ., ср.* Здесь усматриваются исторические связи лексических вариантов, переживших семантические сдвиги: 'тканый' > 'нитяной' > 'пошлина с продажи нитей' > 'пошлина на разные товары'. Кроме того, такой подход обеспечивает сравнительность диалектных материалов по разным параметрам, демонстрируя, в частности, специфику говоров разных групп (см., например, статью *Целезнá, чéлэзнá и челезнá*, материалы для которой зафиксированы преимущественно в пермских, а также смежных с ними башкирских и московских говорах, причем везде, включая московские диалекты, фиксируются варианты с начальным ч, но только в пермских – также и с начальным ц)

или, наоборот, соотносительность языковых явлений, характерных для северно-русских и южнорусских (прежде всего юго-западной части восточнославянского ареала) говоров (см., например: **2. Цепѡк и чепѡк** – ‘наименования ремиз и их элементов в ткацком стане’, идентичные в северно- и южнорусских диалектах), а самое важное – ареальность семантических явлений в связке с лексическими и фонологическими.

Итак, «этимология выступает дополнительным обоснованием реализации отдельных аспектов лексикографического описания» [20, с. 84] диалектных слов в «Словаре русских народных говоров». Благодаря применению трех способов подачи вариантов с начальными *ц* и *ч* достигается не просто компилирование диалектных материалов, но осмысление их как следствия и результата длительного исторического развития.

Заключение

Таким образом, в очередных выпусках авторский коллектив СРНГ, с одной стороны, стремился сохранять традиции более чем полувековой истории создания словаря, с другой – пытался максимально бережно и точно отражать в словаре диалектные материалы, минимизируя и по возможности исключая искажение их фонетического облика и фонематического состава, лексических, семантических, лексико-семантических и словообразовательных связей, грамматических особенностей. Авторы-составители и редакторы словаря отражают лексико-семантические явления в их взаимосвязи с явлениями иных языковых уровней в системе русских диалектов и их лингвогеографическую обусловленность, ареальность семантических явлений в связке с явлениями лексическими и фонологическими. В значительной мере принципы и подходы к репрезентации диалектного материала определяются стремлением показать историческую детерминированность современной системы русских говоров.

Список источников

1. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52: Аа – Цвѡнки. Л.-СПб. : Наука, 1965–2021.

2. Шведова Н.Ю. Автор или составитель? (Об ответственности лексикографа) // Словарь и культура русской речи. М. : Индрик, 2001. С. 13–16.
3. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 28. СПб. : Наука, 1994. С. IV–XXXII.
4. Блинова О.И. ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ → ТЕОРИЯ → СЛОВАРЬ... // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.
5. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории языка. 3-е изд. М. : Ленанд, 2017. 456 с.
6. Travaux du Cercle linguistique de Prague. 4: Réunion phonologique internationale tenue à Prague (18–21/ XII 1930). Prague: Jednota Českosl. matematiku a fysiku, 1931. 326 p.
7. Кузнецова О.Д. О понятии лексикализации. Лексикализация фонетических явлений в говорах // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 111–117.
8. Лукашевич Е.В. Лексикализация. «Анархия» или лингвистический плюрализм? // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4(18). С. 92–95.
9. Лопатин В.В. Лексикализация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
10. Филин Ф.П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования): сб. ст. / под ред. Ф.П. Филина. М.; Л. : Наука, 1966. С. 27–34.
11. Копорский С.А. Цоканье в Калининской области // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III / отв. ред. С.П. Обнорский, Р.И. Аванесов, Ф.П. Филин. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 152–232.
12. Касаткин Л.Л. Фонетика // Бромлей С.В., Булатова Л.Н., Гецова О.Г. и др. Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М. : Издательский центр «Академия», 2005. С. 22–85.
13. Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / отв. ред. Р.И. Аванесов. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 209 с.
14. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М. : Академический Проект: Парадигма, 2005. 256 с.
15. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы: в 2 ч. / под ред. Р.И. Аванесова. М. : Изд-во АН СССР, 1957.
16. Колесов В.В. Расшифровка фонетической системы современного говора (на материале севернорусского цоканья) // Севернорусские говоры / отв. ред. Н.А. Мещерский, А.С. Герд. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1975. С. 6–18.
17. Мартынова В.Н., Закирова Н.Н. Языковые черты речи русского населения севера Удмуртии (фонетический уровень) // Russian Linguistic Bulletin. 2024.

- № 7 (55). URL: <https://rulb.org/archive/7-55-2024-july/10.60797/RULB.2024.55>. 22 (дата обращения: 20.11.2024).
18. Мартянова В.Н. Современные русские говоры севера Удмуртии в диахронии // *Говор: альманах*. 2023. № 1. С. 153–156.
 19. Верняева Р.А., Жданова Е.А. Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии: электронный подкорпус устной речи // *Cuadernos de Rusística Española*. 2023. № 19. С. 67–79.
 20. Сергеев М.Л., Фивейская Е.А. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале «Словаря русского языка XXI века») // *Вопросы лексикографии*. 2020. № 17. С. 74–89.

References

1. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–2021) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 1–52. Leningrad-St. Petersburg: Nauka.
2. Shvedova, N.Yu. (2001) Avtor ili sostavitel'? (Ob otvetstvennosti leksikografa) [Author or compiler? (On the responsibility of the lexicographer)]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi* [Dictionary and culture of Russian speech]. Moscow. pp. 13–16.
3. Kuznetsova, O.D. & Sorokoletov F.P. (1994) Instruksiya dlya sostavleniya Slovarya russkikh narodnykh govorov [Instructions for compiling a Dictionary of Russian folk dialects]. In: Sorokoletov, F.P. (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 28. Saint Petersburg: Nauka. pp. IV–XXXII.
4. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (1). pp. 6–26. (In Russian).
5. Shakhmatov, A.A. (2017) *Ocherk drevneyshogo perioda istorii yazyka* [An essay on the earliest period of the history of language]. Moscow: Lenand.
6. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. (1931) 4: Réunion phonologique internationale tenue à Prague (18–21/XII 1930). Prague: Jednota Ceskosl. matematiku a fysiku.
7. Kuznetsova, O.D. (1978) O ponyatii leksikalizatsii. Leksikalizatsiya foneticheskikh yavleniy v govorakh [On the concept of lexicalization. Lexicalization of phonetic phenomena in dialects]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 111–117.
8. Lukashevich, E.V. (2000) Leksikalizatsiya. “Anarkhiya” ili lingvisticheskiy plyuralizm? [Lexicalization. “Anarchy” or linguistic pluralism?]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. pp. 92–95.
9. Lopatin, V.V. (1998) Leksikalizatsiya [Lexicalization]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. p. 258.
10. Filin, F.P. (1966) O leksikalizirovannykh fonetiko-morfologicheskikh variantakh slov v russkikh govorakh [On lexicalized phonetic-morphological variants of words in Russian dialects]. In: *Leksika russkikh narodnykh govorov (Opyt issledo-*

- vaniya) [Vocabulary of Russian Folk Dialects (Research Experience)]. Collection of scientific articles. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 27–34.
11. Koporskiy, S.A. (1949) Tsokan'e v Kalininskoy oblasti [Tsokanye in the Kalinin region]. In: *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology]. Collection of scientific articles. III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. pp. 152–232.
 12. Kasatkin, L.L. (2005) Fonetika [Phonetics]. In: Bromley, S.V. et al. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Publishing Center Academy. pp. 22–85.
 13. Orlova, V.G. (1959) *Istoriya affrikat v rus. yazyke v svyazi s obrazovaniem rus. narodnykh govorov* [History of affricates in Russian in connection with the formation of Russian folk dialects]. Moscow.
 14. Pozharitskaya, S.K. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Paradigma.
 15. Avanesov, R.I. (1957) *Atlas russkikh narodnykh govorov tsentral'nykh oblastey k vostoku ot Moskvy: v 2 ch.* [Atlas of Russian folk dialects of the central regions east of Moscow: in 2 parts]. Moscow: USSR AS.
 16. Kolesov, V.V. (1975) Rasshifrovka foneticheskoy sistemy sovremennogo govora (na materiale severnorusskogo tsokan'ya) [Decoding the phonetic system of modern dialect (based on the Northern Russian tsokanye)]. In: *Severnorusskie govory* [Northern Russian Dialects]. Leningrad. pp. 6–18.
 17. Mart'yanova, V.N. & Zakirova, N.N. (2024) Linguistic traits of speech of the Russian population of the north of Udmurtia (phonetic level). *Russian Linguistic Bulletin*. 7 (55). [Online] Available from: <https://rulb.org/archive/7-55-2024-july/10.60797/RULB.2024.55.22> (Accessed: 20.11.2024). (In Russian) doi: 10.60797/RULB.2024.55.22
 18. Mart'yanova, V.N. (2023) Sovremennyye russkie govory severa Udmurtii v diakhronii [Modern Russian dialects of the north of Udmurtia in diachrony]. *Govor: Al'manakh*. 1. pp. 153–156.
 19. Vernyaeva, R.A. & Zhdanova, E.A. (2023) Mul'timediynnyy korpus russkikh govorov Udmurtii: elektronnyy podkorpus ustnoy rechi [Multimedia corpus of Russian dialects of Udmurtia: electronic subcorpus of oral speech]. *Cuadernos de Rusistica Espanola*. 19. pp. 67–79. doi: 10.30827/cre.v19.28131
 20. Sergeev, M.L. & Fiveyskaya, E.A. (2020) On the purposes of etymological information in a general-purpose dictionary (on the example of the Dictionary of the Russian Language of the 21st Century). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 17. pp. 74–89. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/17/4

Сведения об авторах:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Мызников Сергей Алексеевич – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, зав. отделом диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: myznikovs@rambler.ru

Сьянова Елена Ивановна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: syanovaei@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior researcher, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Sergey A. Myznikov, Dr. Sci. (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).
E-mail: myznikovs@rambler.ru

Elena I. S'yanova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior researcher, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: syanovaei@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2025;
одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 23.05.2025*

*The article was submitted 24.02.2025;
approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication 23.05.2025*